

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ РОССИЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СЛОЖЕНИИ НАРЫМСКИХ СЕЛЬКУПОВ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

А. И. Боброва, А. А. Воробьев

The article deals with involvement of the Russian settlers into the formation of the Narym Selkuppes in the late XVIIIth — first half of the XIXth cc., basing on example of several burials from the Tiskinsky mound burial complex. The percent of the Russian settlers there was quite insignificant, so there are no grounds to conclude that there existed any distinct impact of the European groups on the anthropological type of the people buried in the Tiskinsky burial ground during its final functional stage. Besides, the paper considers questions of burial rites. In the course of mutual contacts between the Selkuppes and the Russian settlers, the latter could contribute not only to changing the aboriginal burial rites towards Christian traditions, but also could serve as a “conservation” factor for certain traditional elements of the local rites. Close contacts with the Russian settlers couldn't remain traceless for the indigenous people of the Narym Ob basin. These contacts resulted in the Selkuppes absorbing numerous elements of ordinary and spiritual culture of the newcomers.

Колонизация Сибири Российским государством сопровождалась массовым притоком на новые земли пришлого населения. В этническом плане оно было неоднородным. Это были украинцы и белорусы, литовцы и казанские татары, удмурты и зыряне, немцы и поляки, а также многие другие народы. Однако безусловный приоритет по количеству переселенцев имели великорусы.

Процесс межэтнического взаимодействия нарымских селькупов с русскими на современном этапе рассмотрен в работе Г. А. Аксяновой и А. Ф. Шпак [2000] на основе антропологических материалов. Вопрос об участии российских переселенцев в формировании нарымских селькупов в конце XVIII — первой половине XIX в. может быть рассмотрен на примере нескольких погребений Тискинского курганного могильника. Памятник расположен на левом берегу р. Оби, в 35 км вверх по течению от г. Колпашево (рис. 1, 1). В качестве некрополя аборигенного населения он непрерывно функционировал с XII до середины XIX в., затем до начала XX в. — в качестве смешанного селькупско-русского кладбища. По археологическим и этнографическим данным, его средневековые погребения оставлены непосредственными предками современных нарымских селькупов, а поздние захоронения напрямую сопоставляются с их конкретной диалектно-локальной группой [Чиндина, 1975. С. 72; Боброва, 1994. С. 314]. Принадлежность могильника селькупам подтверждается и антропологическим материалом [Багашев, 2001. С. 169]. Раскопки памятника производились Л. А. Чиндиной в 1972 и 1977 гг. и А. И. Бобровой в 1978–1981 гг. На основе различий в погребальной обрядности выделено три основных группы захоронений [Боброва, 1984. С. 146]:

1 группа (захоронения XII–XVIII вв.) отражает развитие и изменения традиционной погребальной обрядности коренного населения и имеет аналогии в глубокой древности;

2 группа (захоронения конца XVIII — первой половины XIX в.) отражает значительное влияние христианской погребальной обрядности;

3 группа включает русские погребения: в конце XIX в. на курганах возникло русское кладбище, закрытое в 1958 г. [Чиндина, 1975. С. 61].

Результаты изучения второй группы захоронений опубликованы [Боброва, 1984]. Из довольно однородной серии, содержащей останки 73 человек, шесть отнесены антропологами к индивидам иной этнической принадлежности. Это составляет 8,2 % от общего числа зафиксированных погребений. По краниологическим данным четыре из них определены как европеоиды (кург. 8, погр. 8, 15, 17, 19, рис. 1, 2–4; 2, 1) и два — как русские^[1] (кург. 12, погр. 4, рис. 2, 2; кург. 13, погр. 11, рис. 2, 3). В ряде случаев антропологический тип взрослых погребенных этой группы определен как «неотчетливо выраженный», «скорее европеоидный» [Дремов, 1979. С. 4, 31]. По всей видимости, мы имеем факт захоронения на селькупском могильнике переселенцев из европейской части России, причем по обряду местного населения, подвергшегося влиянию христианства. Подобная ситуация исследована Л. М. Плетневой [2002] на аборигенных могильниках у д. Астраханцево и Козюлино.

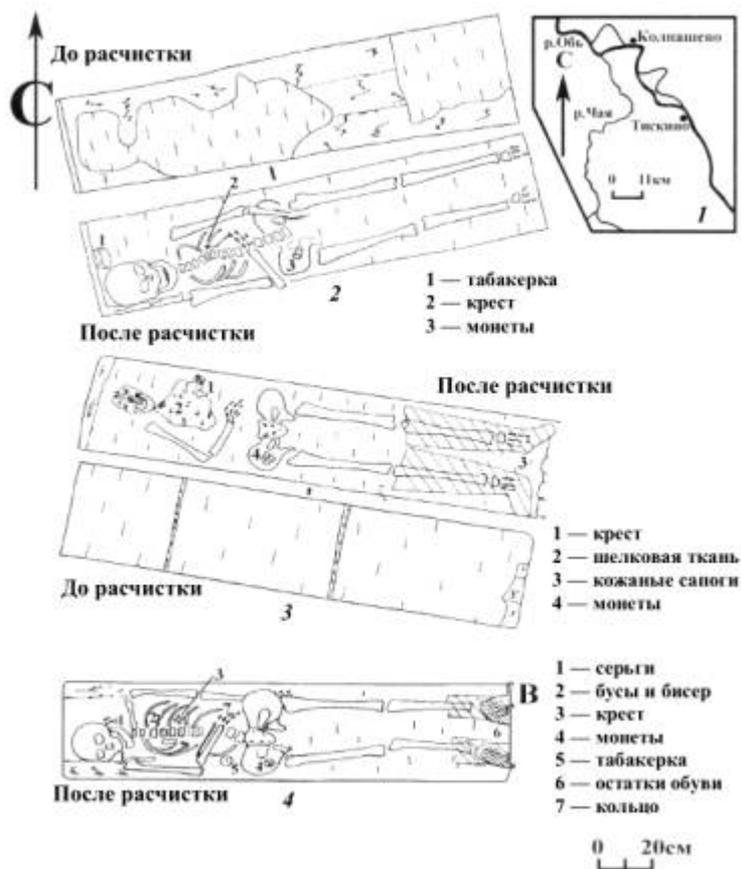

Рис. 1. Тискинский курганный могильник:
1 — схема расположения могильника;
курган 8: 2 — погр. 8; 3 — погр. 15; 4 — погр. 17

Специально оговорим, что под термином «российские переселенцы» условно понимается население, имеющее генетические истоки на территории европейской части России, так как точно установить, являлись ли погребенные люди старожилами или же собственно переселенцами, мы не можем.

Не можем мы обозначить эту группу и как «русские», так как обычно под этим термином понимается все славянское население Сибири [Татаурова, 2002а. С. 4]. Однако носителями европеоидного типа были не только славяне (при всем их доминировании по численности), но и литовцы, шведы, проживавшие на территории Нарымского края [Емельянов, 1981. С. 16, 20].

Погребения, определенные антропологами как «европеоидные» и «русские».

Курган 8, погр. 8. (160/40, гл. 30 см) [1]. Расположено в северной части кургана, в северо-восточном секторе. Совершено в дощатом гробу прямоугольной формы, выстланном берестяным полотнищем. Умерший мужчина 45–50 лет похоронен вытянуто, на спине, головой на ЗЮЗ, обернут в бересту (рис. 1, 2). Левая рука лежала вдоль туловища, правая — на груди. Слева от черепа обнаружена берестяная табакерка овальной формы, орнаментированная оттисками штампа в виде розетки, состоящей из пяти кружков (рис. 3, 17), с той же стороны на груди найден посеребренный фигурный нательный крест (рис. 3, 2). Справа на костях таза зафиксировано скопление монет (5 шт.) достоинством: 2 копейки 1801 г. (1), 1812 г. (1); 5 копеек 1808 г. (1); 5 копеек 1772 г. (1), не читается (1). Погребение совершено не ранее 1812 г.

Курган 8, погр. 15. (165/40, гл. 60 см). Расположено в северо-западном секторе. Совершено в дощатом гробу прямоугольной формы, нижние доски скреплены с боковыми железными скобами. Дно и стенки выстланы берестяным полотнищем, крышка обернута им же. Умерший мужчина около 50–60 лет похоронен вытянуто, на спине, головой на ЗСЗ (рис. 1, 3). Кости левой руки не сохранились, правая лежала в области пояса. На верхней половине костей скелета сохранились остатки нижней (?) одежды из тонкой материи; слева на груди на ней лежал медный нательный крест. Справа на костях таза найдено скопление монет (18 шт.) достоинством: сибирские — 1 копейка 1774 г. (1), 2 копейки 1772 г. (1) и общероссийские — 2 копейки 1797 г. (2), 1798 (3), 1801 (1), 1810 (1), 1811 (2), 1812 (4), 1813 г. (3) (рис. 3, 9). Хорошо сохранилась обувь — кожаные сапоги с длинным, доходящим до колен, голенищем и кожаной подошвой, подбитой мелкими гвоздями. Погребение совершено не ранее 1813 г.

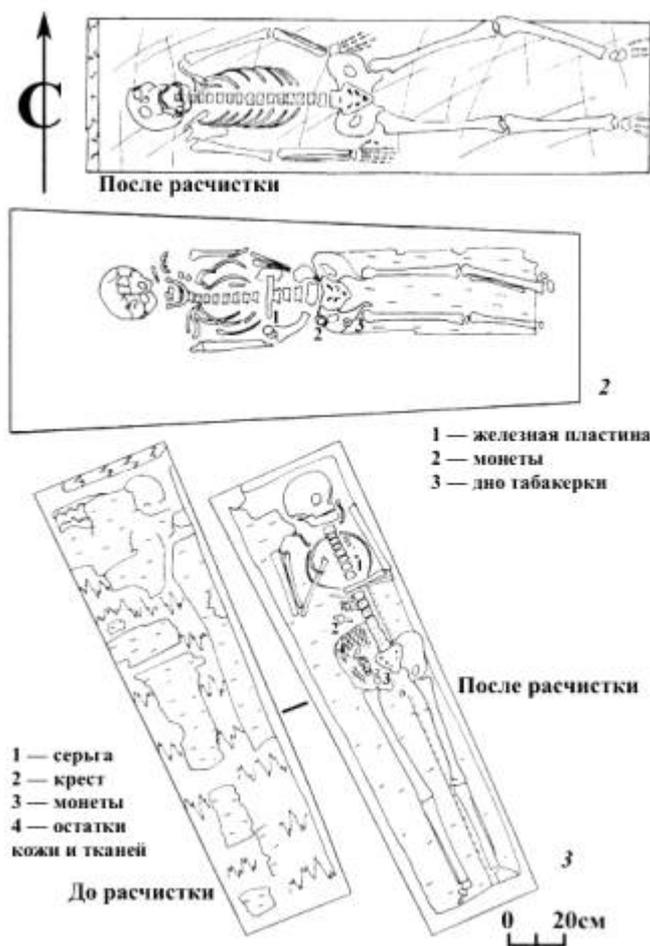

Рис. 2. Тискинский курганный могильник:

1 — кург. 8, погр. 19; 2 — кург. 12, погр. 4; 3 — кург. 13, погр. 11

Курган 8, погр. 17. (160/40, гл. 60 см). Расположено в юго-западном секторе. Совершено в дощатом гробу прямоугольной формы, выстланном берестяным полотнищем, сверху покойный был покрыт им же (рис. 1, 4). Умершая женщина около 30 лет похоронена вытянуто, на спине, головой на запад. Левая рука лежала вдоль туловища, правая в области пояса. На безымянном пальце правой руки сохранилось тонкое медное кольцо (рис. 3, 5). Череп лицевым отделом повернут вправо; по обе стороны от него располагались серьги фабричной (?) работы на медной основе. Они сделаны из проволочной петли-основы, оформленной в виде пирамиды тремя медными гнездами круглой формы, с закрепленными в них гладкими вставками из бесцветного прозрачного стекла, и привески каплевидной формы из граненого стекла янтарного цвета, заключенной в медную оправу (рис. 3, 3–4). Слева от черепа до ключицы располагался мелкий бисер (диаметром 0,3 см) белого, голубого, красного, синего цвета, а на груди посеребренный фигурный нательный крест и зонные, шарообразные бусы бело-голубого цвета (рис. 3, 13–15). Справа на костях таза найдено скопление монет (8 шт.) достоинством: 2 копейки 1798 г. (1), 1810 г. (1), 1... г. (2); 1 копейка 1820 г. (1), 1823 г. (2), 1826 г. (1). Около пояса справа лежала берестяная табакерка овальной формы, украшенная тремя горизонтальными рядами из тисненых розеток (рис. 3, 16). На ступнях ног сохранились остатки кожаной обуви с коротким голенищем и подошвой, скрепленной с верхней частью посредством расположенного по краю шва. Погребение совершено не ранее 1826 г.

Курган 8, погр. 19. (195/60–50, гл. 88 см). Расположено в северо-западном секторе. Совершено в дощатом гробу трапециевидной формы (рис. 2, 1). Грунтовое, впущено в насыпь, хорошо фиксировались контуры могильной ямы. В ее заполнении в юго-восточном углу найдены монеты (2 шт.) достоинством: 2 копейки 1800 г. и копейка (дата не читается). В центральной части могилы, в засыпи, обнаружены фрагменты берестяного изделия (рис. 3, 18), состоящего из четырех лент, соединявшихся швом (табакерка?). Умерший мужчина около 25 лет похоронен вытянуто, на спине, головой на запад. Руки сложены вдоль туловища. Правая нога лежала прямо, левая была согнута в коленном суставе. Под костяком сохранилась подстилка из веток толщиной до 5 см. Инвентарь с погребенным отсутствовал, но в юго-западном углу могилы найдены монеты достоинством 2 копейки 1800 г. и денга 1757 г. (рис. 3, 8, 10). Погребение совершено не ранее 1800 г.

Курган 12, погр. 4. (200/80–60, гл. 30 см). Русское. Расположено в северной половине кургана. В восточной части над ним находилось детское захоронение (погребение 4А). Погребение совершено в дощатом гробу трапециевидной формы, выстланном берестяным полотнищем; крышка его была обернута берестой (рис. 2, 2). Умерший мужчина 35–40 лет похоронен вытянуто, на спине, головой на запад. Левая рука лежала на поясе, правая на груди (?). Справа на костях таза найдено скопление сибирских монет (9 шт.)

достоинством: денга 1738 г. (1), 1740 г. (1), 1748 г. (1), 1749 г. (1), 17.. г. (1), 1777 г. (1), 1778 г. (1); полушка 1786 г. (1), монета 1772(?) г. (1) — номинал не читается. Там же обнаружено деревянное дно табакерки. Возле локтевого сустава правой руки — железная пластинка. В южной части погребения на общей с ним глубине встречались угли. Погребение совершено не ранее 1786 г.

Курган 13, погр. 11. (175/50–40, гл. в изголовье — 76, у ног — 84 см). Русское. Расположено в южной половине сектора V. Совершено в дощатом гробу слабовыраженной трапециевидной формы, сколоченном железными гвоздями. Дно и стенки изнутри выстланы берестяным полотнищем. Крышка гроба сверху была также покрыта берестой (рис. 2, 3). Умершая женщина 20–25 лет похоронена вытянуто, на спине, головой на ССЗ. Череп лицевым отделом слегка повернут влево, руки сложены на груди. В области грудной клетки, слева между плечевой костью и позвоночником обнаружена медная серьга фабричной (?) работы с продолговатой граненой подвеской из бесцветного прозрачного стекла (рис. 3, 6). Справа в области груди обнаружен фигурный нательный крест и три шарообразных бусины белого цвета (рис. 3, 12). На костях таза найдены медные монеты (14 шт.), общероссийские достоинством: 2 копейки 1798 г. (1), 1810 г. (2), 1812 г. (4), 1813 г. (2), 1814 г. (1), 1817 г. (1) и сибирские: 1 копейка 17.. г. (1); дата и достоинство не читаются (2). Около них сохранились остатки кожи и ткани, вероятно, от кошелька, в который монеты были положены. Погребение совершено не ранее 1817 г.

Наиболее раннее из них совершено после 1786 г., наиболее позднее после 1826 г. Похоронены четверо мужчин и две женщины, что составляет 8,2 % от общего количества погребений второй группы.

Как считает А. Н. Багашев, материалы тискинской серии свидетельствуют о неоднородности антропологического состава населения, оставившего могильник в конце XVIII — первой половине XIX в.

Вполне отчетливо выявляется им европеоидный расовый компонент, для черепов которого характерна резкая профилированность лицевого скелета, сильно выступающее переносье, как по дакриальным, так и по симотическим размерам. Эта особенность строения лицевого скелета сочетается с небольшой шириной и высотой лица, большим углом выступания носа, мезодолихокранной мозговой коробкой и средней высотой черепа.

Весь европеоидный комплекс признаков не оставляет сомнения в том, что он генетически мог быть связан с русским населением.

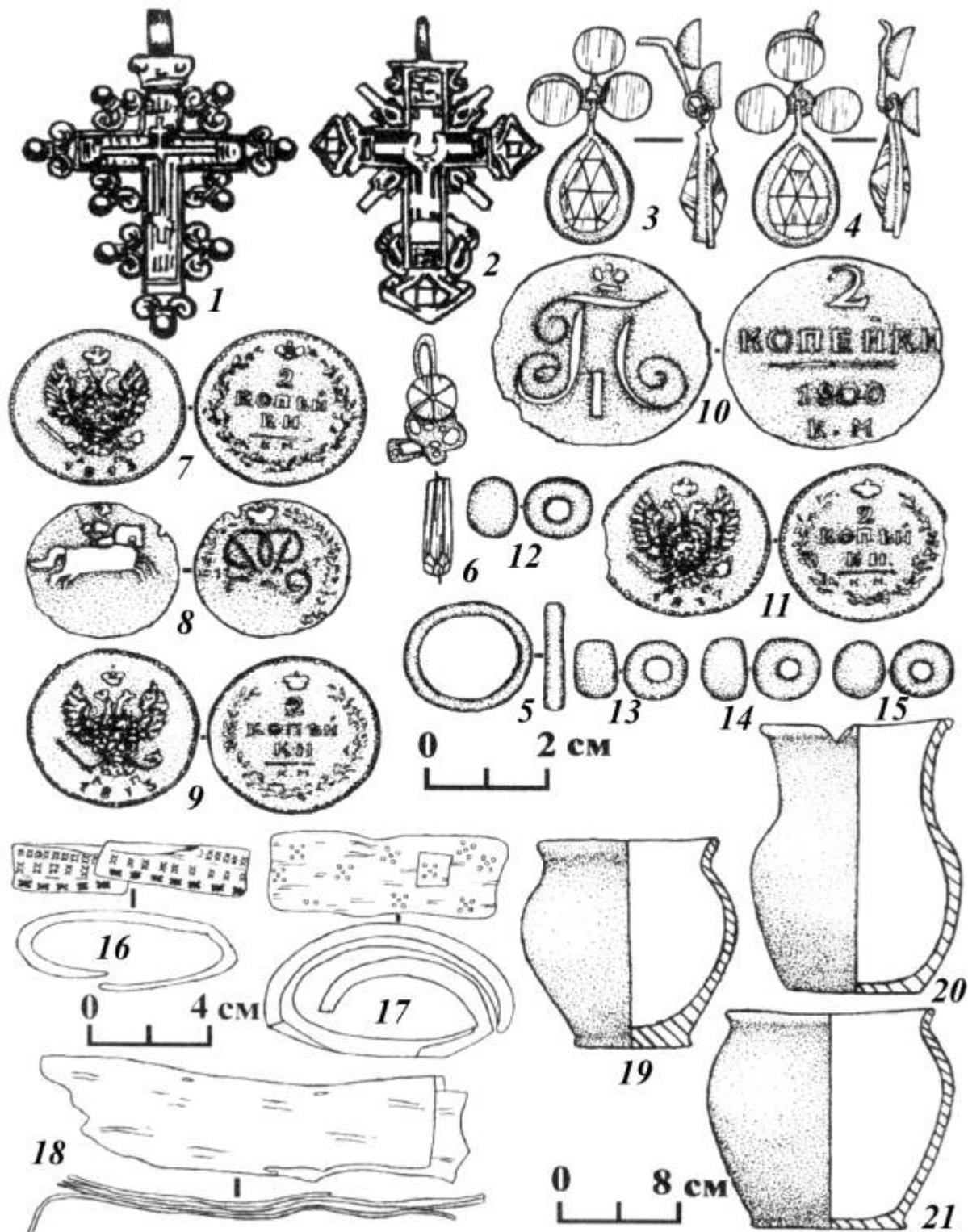

Рис. 3. Тискинский курганный могильник. Сопроводительный инвентарь:

1, 6, 11, 12 — кург. 13, погр. 11; 2, 17 — кург. 8, погр. 8; 9 — кург. 8, погр. 15; 3–5, 7, 13–16 — кург. 8, погр. 17; 8, 10, 18 — кург. 8, погр. 19; 19 — кург. 7, погр. 30; 20 — кург. 13, насыпь; 21 — кург. 7, погр. 14;
1, 2, 5, 7–11 — медь; 3, 4, 6 — стекло, медь; 12–15 — стекло; 16–18 — береста; 19–21 — керамика

Выделение европеоидного компонента в тискинской серии свидетельствует о том, что данная европеоидная примесь является механической: отсюда следует вывод о том, что местное население «довольно слабо вступало в генетические контакты» [Багашев, 1997].

Процент российских переселенцев был незначительным, и говорить о сколько-нибудь заметном влиянии европеоидных групп на антропологический тип людей, погребенных в Тискинском могильнике на последнем этапе его функционирования, нет оснований. Хотя по женской серии небольшая примесь европеоидного компонента прослеживается [Багашев, 2001. С. 163].

Интересно, что в числе погребенных были и мужчины, и женщины. Известно, что на первых порах освоения Сибири Российским государством пришлое население испытывало недостаток в женщинах, поэтому широко были распространены браки русских с местными женщинами. Яркое подтверждение тому антропологические материалы православных кладбищ г. Томска [Дремов, 1998. С. 147]. Вполне понятно, что поиск жен мог приводить к включению русских мужчин в состав аборигенного населения. Так, все три погребения, соотносимые с русскими, в Астраханцевском и Козюлинском курганных могильниках были мужскими [Плетнева, 2002]. Наличие же в Тискинском могильнике «русских» женщин скорее всего связано с выравниванием и даже превосходством женского населения, среди переселенцев Нарымского края, начиная с XVIII в. [Емельянов, 1981. С. 30].

Наличие европеоидной примеси документировано архивными источниками и нашло отражение в печати. Такой процент согласуется с архивными данными, полученными Б. О. Долгих о смешанных русско-селькупских браках на 1789–1917 гг., которые приведены Г. Ф. Дебецем [Дебец, 1947. С. 124]. На 600 сохранившихся записей таких браков было 20, т. е. около 3 %.

Б. О. Долгих считал, что в церковных книгах записано только около 30 % совершенных за этот период браков и что сохранилось таких записей около 50 %. Исследователь отмечал, что браки с русскими имели больше шансов попасть в церковные книги, чем чисто селькупские или вообще туземные, поэтому процент браков с русскими следует еще понизить. В то же время на повышение русской примеси могло влиять неучтенное отцовство и, возможно, большая плодовитость селькупско-русских браков [Там же].

Так, С. М. Малиновская пишет, что для XVII–XIX вв. наблюдается усиление миграционного потока русских в Среднее Приобье, причем не только в его южную часть, но и в пределы Нарымского края. Процесс ассимиляции демонстрируют материалы переписи 1897 г.: 767 остяко-самоедов Томского округа (328 муж. и 439 жен.) указали в качестве родного языка — русский. [Патканов, 1912. С. 160]. Присутствие русского населения на момент переписи 1897 г. зафиксировано в юртах Малой Чурубаровской волости, на территории которой находился Тискинский могильник.

Катализатором процесса русской колонизации и языковой ассимиляции томских селькупов являлись смешанные браки. По подсчетам С. М. Малиновской, из 72 селькупских браков, освященных в Кривошеинской Спасской церкви с 1890 по 1900 г., смешанных с русскими оказалось 57, или 79,1 % [Малиновская, 1999. С. 22].

Наличие погребений российских переселенцев позволяет несколько по-новому взглянуть на погребальную обрядность второй группы захоронений Тискинского курганного могильника. Характерно, что между рассматриваемыми в этой работе и остальными ее погребениями не наблюдается существенных различий в обряде захоронения [Боброва, 1984]. В то же время известно, что для отдельных этнических или же обособленных групп погребальный обряд является наиболее консервативным элементом культуры. Следует отметить, что христианская погребальная обрядность, нашедшая отражение и в других аборигенных некрополях Сибири, имела два основных пути воздействия на традиции коренного населения осваиваемых территорий. Первый осуществлялся через политику русской православной церкви и государства. Второй происходил через неформальное общение пришлое восточноевропейского населения с местными народами. Вполне возможно, что последний процесс имел место у населения, оставившего Тискинский могильник. И в этом последнем случае необходимо учитывать возможность влияния обрядов и обычаев, не входивших в каноническое христианство. Так, проблематично выявление на археологическом уровне черт погребальной обрядности «мирских» и различных направлений и сект старообрядчества. Исследователями неоднократно отмечалось, что хотя в основе позднего погребального обряда восточных славян лежит православный обряд, но все же в нем сохранилось немало остатков архаических черт и поверий дохристианской эпохи. В разных областях России пережитки славянского язычества были неодинаковы [Кремлева, 1999. С. 517–518; 2001. С. 662; и др.].

В такой ситуации важным представляется то, что на всем протяжении изменения погребальной обрядности в сторону традиций христианского захоронения (наличие гробов и колод «русского» типа, неустойчивое положение рук от вытянутых вдоль туловища до скрещенных на груди, тяготение к западной ориентации, захоронения с нателными крестами как символами веры) для обрядности второй группы погребений Тискинского могильника характерно наличие признаков, отражающих сохранение традиционного селькупского обряда погребения. К ним относятся обязательное использование бересты и возможный наземный характер захоронений [Боброва, 1984. С. 154]. Должны были существовать причины сохранения именно этих черт. С одной стороны, безусловно, они имели особое значение для аборигенного населения, с другой — необходимо учитывать и реалии погребальной обрядности, известные по археологическим исследованиям погребальных комплексов «русских» на территории европейской части России и Сибири. Речь идет о чертах, не входящих в каноническую христианскую обрядность.

Так, случаи использования бересты при погребении в различных вариантах известны по материалам некрополей Древней Руси и Российского государства на протяжении XI–XVIII вв. [Панова, 1989. С. 220; 1990. С. 4]. Зафиксировано оформление погребений берестой в новое время и на кладбищах, расположенных на территории, бывшей перевалочной для проникновения российских переселенцев в Сибирь. Сюда можно отнести захоронения первопоселенцев городов Верхотурья, Каменска-Уральского, Челябинска [Погорелов, Святос, 2002. С. 119; Самигулов, 2002а, б]. Причем Г. Х. Самигулов пришел к выводу, что погребения Челябинской крепости были оставлены как крещеными финно-уграми, так и русскими, долгое время проживавшими в районах распространения финно-угорской погребальной обрядности [Самигулов, 2002а. С. 229]. Антропологический анализ останков подтвердил смешанный состав погребенных на этом кладбище

при значительном преобладании европеоидного расового типа [Самигулов, 2002б. С. 136]. Использование бересты для оформления погребений известно в нескольких случаях на некрополях острогов и городов Сибири [Молодин, 1999. С. 115; Тарасов, 2000. С. 193; Чугунов, 1905. С. 25]. Каковы бы ни были истоки использования бересты в погребениях на кладбищах Сибири, все же ее употребление было известно и российским переселенцам.

Что касается наземного характера захоронений, то точно определить способ погребения на Тискинском могильнике из-за сложной стратиграфической ситуации и большого числа погребений затруднительно. Бесспорно грунтовым можно считать погр. 19, обнаруженное в кургане 8. В то же время небольшая глубина большинства погребений второй группы (15–45 см от современной дневной поверхности) и отсутствие контуров могильных ям свидетельствуют в пользу их наземного характера. Это не исключает возможность наличия неглубоких ям, служивших для придания более устойчивого положения гробу или колоде. Небольшая глубина захоронений имеет определенные параллели с материалами погребений на кладбищах, связываемых их исследователями с населением, вышедшим из европейской части России. Так, Ю. В. Ширин выявил, что для захоронений российских переселенцев XVII–XVIII вв. в Кузнецком крае обычной является глубина около одного метра (максимальная 1,7 м), для детей она еще меньше. Самые верхние колоды были установлены на глубине не более 30 см [Ширин, 2000. С. 442]. На могильнике XVIII в. Изюк-1 Омского Прииртышья захоронения первого яруса совершены на глубине 30–40 см от современной дневной поверхности. Л. В. Татаурова относит этот памятник к русским старожилам [Татаурова, 2002б. С. 236–237].

Таким образом, все это позволяет высказать предположение, что в процессе взаимодействия селькупов и российских переселенцев последние могли не только оказывать влияние на изменение аборигенной погребальной обрядности в сторону традиций христианства, но и служить «консервирующим» фактором для некоторых традиционных элементов местной обрядности.

Необходимо обратить внимание на обнаружение в Тискинском могильнике трех плоскодонных сосудов: кринки и двух горшков, изготовленных на гончарном круге. Кринка найдена в насыпи кургана 13, возле детского захоронения XX в., совершенного в дощатом гробу трапециевидной формы, рядом с клем намогильного креста, т. е. в ногах погребенного [Боброва, 1980. С. 67]. Один горшок обнаружен в ногах погребенного в разрушенном погр. 14 кургана 7 [Боброва, 1978]. Череп из этого погребения определен как монголоидный, а наиболее поздняя из обнаруженных в нем монет относится к 1825 г. Второй горшок, покрытый темно-коричневой поливой, зафиксирован в погр. 30 кургана 7, которое представляло собой скопление костей и черепов не менее чем от шести человек, образовавшееся в результате возведения в XX в. трех могил, разрушивших более ранние захоронения. Горшок стоял около одного из гробов XX в. и был прислонен к его стенке в области ног. Наиболее поздняя из обнаруженных в погребении монет датируется 1836 г. [Боброва, 1978. С. 35, рис. 120]. Использование гончарной посуды, скорее всего, является продолжением местной селькупской традиции помещения сосудов в ноги погребенных [Чиндина, 1975. С. 89, 90]. Употребление в новое время «русских» сосудов аборигенным населением связано с исчезновением у них собственной традиции гончарства. Чему, по всей видимости, способствовало широкое распространение более совершенной гончарной посуды и российских традиций гончарства [Мельников, 1992. 109, 111; Татаурова, 1997. С. 15]. Находки гончарных сосудов известны в таких могильниках аборигенного населения Сибири, как Козюлино, Кыштовка-II, Остяцкое у с. Молчаново на Оби, Окуневское VII на Татарском увале у д. Окунево, и, по всей видимости, на нескольких кладбищах Обдорского Севера [Плетнева, 1990. С. 51, 55, рис. 1; Молодин, 1979. С. 83–85, рис. 22, 2, 3; Дульзон, 1957. С. 462; Матющенко, Полеводов, 1994. С. 104, 186, рис. 67, 4, 201, рис. 82, 1, 2; Мурашко, Кренке, 2001. С. 32, 45, 85, 92, 101, 106, 109, 111, 113, 120, рис. 89]. Г. И. Пелих сообщает, что селькупы «...во время похорон могилу покойника окуривали огнем из сломанного глиняного горшка, который затем ставили в могилу, в ноги, рядом с покойником» [Пелих, 1972. С. 76]. Сохранению в позднее время этого обычая у селькупов могло способствовать и существование схожего обычая «окуривания» и помещения сосудов с «жаром» внутрь могилы у российских переселенцев. В ряде случаев эти сосуды также были сломаны, но их расположение в могиле могло быть как в ногах, так и в головах погребенных у гробов или колод [Воробьев, Троицкая, 2000; Воробьев, 2003. С. 274]. Тискинские сосуды, вероятно, использовали с теми же целями, так как в двух из них отмечены характерные следы обожжения внутри сосуда.

Таким образом, на основании анализа материалов погребений Тискинского могильника конца XVIII — первой половины XIX в. можно сделать вывод о том, что тесные контакты с российскими переселенцами не прошли бесследно для аборигенов Нарымского Приобья. Они сопровождались восприятием селькупами многих элементов бытовой и духовной культуры пришельцев, что нашло отражение и в погребальном обряде.

Наличие захоронений переселенцев на некрополе селькупов Малой Чурубаровской волости свидетельствует об имевшем место процессе ассимиляции, завершившемся к концу XIX века.

Русский языковой и культурный суперстрат, наложившийся на местную самодийскую, тюрко-самодийскую, тюркскую основу, как считают исследователи, к началу XX в. в значительной степени сгладил и сnivelировал былую этническую специфику коренных и пришлых народностей в регионе [Малиновская, 1999. С. 22].

ЛИТЕРАТУРА

Аксянова Г. А., Шпак А. Ф. Русско-селькупские и русско-чулымские антропологические соотношения в Томско-Нарымском Приобье // Русские старожилы. Тобольск; Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2000. С. 18–20.

Багашев А. Н. Краниологическое исследование материалов Тискинского курганного могильника // Архив ПНИЛ ИАЭС ТГУ. Отчет по гранту РФФИ 1997 г. (проект 97.01.00067а) «Этнокомпонентный состав населения Сибири в I–II тыс. н. э. Археологический, антропологический, этнографический и лингвистический аспекты».

Багашев А. Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) // ВИАЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 159–174.

Боброва А. И. Нарымское Приобье и Причулымье // ОКНЗС. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 293–321.

Боброва А. И. Отчет об археологических исследованиях Молчановского отряда летом 1978 г. // Архив МАЭС ТГУ, № 775.

Боброва А. И. Отчет о полевых работах Среднеобского археологического отряда летом 1979 г. // Архив МАЭС ТГУ, № 810.

Боброва А. И. Отчет о полевых исследованиях Среднеобского отряда археологической экспедиции Томского госуниверситета в 1980 г. // Архив МАЭС ТГУ, № 864.

Боброва А. И. Погребения XVIII–XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 146–167.

Воробьев А. А. О некоторых вопросах изучения сибирской погребальной керамики (по материалам Новосибирской области) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 273–274.

Воробьев А. А., Троицкая Т. Н. Сосуды в погребальном обряде русского населения Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2000. С. 219–221.

Дебец Г. Ф. Селькупы. Антропологический очерк // ТИЭ. 1947. Т. 2. С. 103–145.

Дремов В. А. Предварительные определения пола и возраста по костным антропологическим материалам. Список 1–1000. 1964–1983 гг. // Рукопись. Архив КА ТГУ. Кн. 1. Список 59. С. 1–4.

Дремов В. А. Результаты предварительного определения костных антропологических материалов Тискинского курганного могильника // Архив КА ТГУ. 1979–1981. Списки № 59, 61, 66.

Дремов В. А. Население Томска в XVII–XVIII вв. // ОКНЗС. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 140–147.

Дульзон А. П. Остяцкий курганный могильник XVII века у с. Молчаново на Оби // Учен. зап. ТГПИ. Томск: Изд-во ТГПИ, 1957. Т. 16. С. 444–488.

Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 182 с.

Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1999. С. 517–532.

Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 661–705.

Малиновская С. М. Историческая справка. Селькупы XVIII — начало XX в. // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск: Изд-во ТГПИ, 1999. С. 12–24.

Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском Увале у деревни Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. 223 с.

Мельников Б. В. К проблеме изучения посуды археологических памятников Западной Сибири XVI–XVIII вв. // Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири. Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 1992. С. 102–114.

Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 182 с.

Молодин В. И. Некрополь Илимского острога: палеодемографические реконструкции // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13: Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. С. 113–120.

Мурашко О. А., Кренке Н. А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М.: Наука, 2001. 155 с.

Панова Т. Д. Городской погребальный обряд средневековой Руси (XI–XVI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1990. 18 с.

Панова Т. Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // СА. 1989. № 1. С. 219–234.

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири / Зап. ИРГО. Т. 2, вып. 1–3. СПб., 1912.

Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.

Плетнева Л. М. Погребения русских в курганных могильниках у дд. Астраханцево и Козюлино // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002. С. 225–226.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 134 с.

Погорелов С. Н., Святлов В. Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и г. Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002. С. 118–121.

Самигулов Г. Х. Финно-угорские элементы некоторых погребений первопоселенцев Челябинской крепости // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002а. С. 228–231.

Самигулов Г. Х. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002б. С. 133–137.

Тарасов А. Ю. Исторические некрополи Красноярска XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2000. С. 192–194.

Татаурова Л. В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX веках (по данным археологии и этнографии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Алт. ун-т, 1997. 17 с.

Татаурова Л. В. Культура русских Сибири в археологических исследованиях: проблемы и перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002а. С. 3–8.

Татаурова Л. В. Об одном из элементов погребального обряда русских по данным археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002б. С. 235–237.

Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. Вып. 16. С. 61–93.

Чугунов С. М. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ // Изв. Томского университета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1905. Кн. 27.

Ширин Ю. В. Поселенческие и погребальные комплексы российских переселенцев XVII–XVIII веков в Кузнецком крае // Русские старожилы. Тобольск; Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2000. С. 441–443.

*Томск, Томский государственный университет,
Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет*